

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я понимаю, что определение республики как дела или вещи публики может звучать по-русски не очень удачно. Дело в том, что термин «публика» и производные от него слова проиграли в начале XIX века борьбу за безусловное преобладание в письменной и устной речи о политике, оказавшись в опасной близости к центральным терминам Французской революции, радищевской риторики и декабристских обсуждений. Исторические понятия показали, как при переводе на русский язык томов словаря Французской Академии, изданных в годы Французской революции, слова *opinion* и *public* лишались русскими переводчиками их «революционного содержания». Особенно это заметно в выражении *l'opinion publique*, «общественное (или публичное) мнение», так как оно грозило смертью монархам.

В результате этот куст терминов стал дискурсивно очень слаб, и публика ассоциируется теперь прежде всего с зеваками на улицах, театральными зрителями или даже публичными домами. Желать, чтобы дела или вещи такой публики стали путеводной звездой для нашей страны, нельзя. Но возможно ли вернуть достоинство по крайней мере терминам, производным от слова «публика»? Ведь именно с помощью прилагательных типа *public* и *publique* обозначаются ключевые и уважаемые феномены в жизни западноевропейских обществ. Эпоха Петра I принесла нам большое количество серьезных институтов и практик, которые стали обозначать как «публичные»¹. Да ведь и в современном русском уже появились выражения типа «публичная политика» или «публичный интеллигент», которые

не несут унижительного или легковесного оттенка.

Посмотрим, кто стоит на пути дискурсивного возрождения термина «публика» и признания ее дел и вещей ценными, если не ключевыми заботами страны. Термином для обозначения наиболее активного и заинтересованного в прогрессе слоя населения, вытеснившим с середины XIX века как «публику», так и «общество», стала «общественность». Этот термин, неологизм еще у Карамзина и Радищева, достаточно осторожно употреблявшийся Белинским и расцветший в трудах Огарева и разночинцев, был удобен, так как противопоставлялся дворянскому «обществу», то есть говорившему по-французски *beau monde*, «свету», который так хорошо изображен на первых страницах «Войны и мира»ⁱⁱ.

Общественность требовала прогресса, публика или общество того времени развлекались в салонах. «Общественность» стала безусловно положительным термином для радикальной интеллигенции в конце XIX века, а во время Первой русской революции конституционные демократы типа В. А. Маклакова (1869–1957) или ярые монархисты типа В. И. Гурко (1862–1927) описывали основную динамику происходившего как конфликт власти и общественностиⁱⁱⁱ.

Однако когда победившая пролетарская революция попыталась опереться на революционную общественность после 1917 года, та быстро стала «приводным ремнем» партии: организации типа

ⁱ См.: Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1910. Т. 88. Вып. 2. С. 248–249.

ⁱⁱ Kharkhordin O. Republicanism in Russia. Community Before and After Communism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2018. P. 85–89, 153.

ⁱⁱⁱ Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника): В 3 т. Париж: Изд. журн. «Иллюстрированная Россия», 1936; Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое литературное обозрение, 2000.

Наши люди в булочную на такси не ездят.

Не знаю, как там в Лондоне, я не была. Может, там собака — друг человека. А у нас управдом — друг человека!

К/ф «Бриллиантовая рука»,
реж. Л. Гайдай (1968)

ОСОАВИАХИМ или ДОСААФ помогли делу коммунистического строительства, а почти все остальные были запрещены во время перерегистрации общественных организаций в 1928–30 годах. Немногие «недобитые» были сметены волной сталинских репрессий конца 1940-х годов.

После окончания сталинской эры хрущевская общественность включала не только оставшиеся официальные общественные организации, но и новый феномен, связанный с «коллективизацией быта» в конце 1950-х — начале 1960-х годов. Это были товарищеские суды, добровольные народные дружины, домовые комитеты и другие формы воспитания с помощью горизонтального надзора и контроля, которые обрушивали на тебя твои коллеги, соседи или товарищи по какому-либо коллективу. Как работал тот тип хрущевской нормализующей общественности, бесподобно явила нам актриса Нонна Мордюкова в фильме «Бриллиантовая рука».

Другой тип общественности, критической и исповедующей некоммунистические идеалы, сформировался в 1960–70-е годы в диссидентском движении на базе националистической, либеральной или религиозной мысли. Диссиденты стали основными неофициальными критиками режима¹.

И даже после падения СССР производится это противопоставление общественников как, с одной стороны, активистов, бездумно или осознанно поддерживающих власть и собирающихся

¹ Kharkhordin O. Republicanism in Russia. P. 92–98.

в официально созданных прикормленных форумах типа Общественной Палаты, и, с другой стороны, критической общественности, которую почти никогда не допускают до власти и которой ничего не остается, кроме как с удовольствием критиковать «гнилой» или «кровавый» режим.

Причем можно делать это достаточно безответственно — все равно очень мало шансов, что тебе дадут возможность осуществить то, чего ты требуешь или что ты предлагаешь. Получается, что одни общественники работают как приводные ремни власти (и иногда пишут доносы в трехбуквенные организации по заказу оных), а другие только критикуют власть в СМИ и соцсетях да иногда посещают собрания, которые имитируют процесс реального обсуждения, например, в форме «общественных слушаний».

Не пора ли нам избавиться как от этого чудовищного шипящего слова «общественность», — как говорил Макар Нагульнов в «Поднятой целине» Шолохова об английском слове *revolution*, что, мол, оно шипит, потому что не любит нашу революцию и злобствует, — так и от чудовищного феномена, который оно обозначает? Для активного человека оказаться перед выбором пойти в прикормленные общественники либо в бессильные критики — значит не иметь шанса что-то поменять в жизни вообще.

Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» писал о роли публики, пока это слово еще не потеряло коннотации

серьезности: «Наистрожайшая полиция не сможет так запретить дряни мыслей, как негодующая на нее публика». Публика здесь реальный и мощный арбитр. И потому если восстанавливать публику в ее дискурсивной солидности, а в феноменах публичного порядка или характера вскрыть то, что в них остаточено содержится пока что только как намек, то есть их связь с *res publica*, то будет важна не способность публики к негодованию и запрещению, а то, что этот термин может означать обещание другой, классически республиканской жизни.

Задача в том, чтобы дать россиянам наконец возможность уйти от фальшивой дилеммы — либо прикормленная жизнь по обслуживанию нужд общаков власти, либо бессильная критика власти за то, что не допускают до этих общаков.

Если, как я предложил, считать республикой дела публики, а публикой назвать тех, кому

1) небезразличны общие вещи нашей жизни, так что

2) эти люди готовы получить доступ (вместе с ротируемыми чиновниками) к площадкам принятия решений относительно этих общих вещей и сделать принятые решения писаным руководством к действию, а

3) лучшие достижения в этой публичной жизни когда-то станут примером и для других,

то «публика» перестанет пониматься как те, кто сидит в зале театра жизни.

Они — те, кто должен участвовать в этом спектакле жизни (как хотел еще Руссо, следуя Макиавелли и Цицерону) и получить более-менее равные права определять правила выхода на общую сцену. Тогда слову «публика» будет возвращено достоинство, а выражения «дела публики» или «вещи публики» не будут казаться странными.

А с «общественностью» надо поступить так же, как писал Вольтер про католическую церковь в знаменитом письме к Д'Аламберу от 28 ноября 1762 года: “Écrasez l'infâme!” — «Раздавите этот позор!» Или — как привыкли у нас переводить эту фразу — «Раздавите гадину!»

Благодарности

Я прежде всего благодарен Вадиму Волкову, который давно побуждал меня написать эту книгу, и сотрудникам и друзьям нашего исследовательского центра «Res Publica», на семинарах которого я не раз обкатывал ее аргументы. Особой похвалы заслуживает Виктор Каплун, который за годы упорных дискуссий убедил меня в значимости золотого века русской литературы для судеб свободы в России. Хотелось бы также поблагодарить Дмитрия Калугина за работу над редактурой текста, казавшегося ему слишком сложным для серии «Азбука понятий». Всех их, конечно, нельзя винить за ошибки, которые могли остаться в тексте. Особое спасибо Маркку Кангаспуру, директору Александровского института при университете Хельсинки, предоставившему мне офис и доступ к прекрасной Национальной библиотеке Финляндии в 2018–19 учебном году. Все, кто работал среди стеллажей русскоязычных фолиантов XIX века славянской секции этой библиотеки, знают, насколько эта обстановка помогает мысли.